

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ФУНКЦИИ КАМЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ В КАРЕЛЬСКОМ ПОМОРЬЕ

© 2013 г. М.Г. Косменко

В статье изложены результаты исследования многочисленных каменных сооружений в 52 пунктах на побережье и островах Белого моря в Карелии. Приводится описание их основных типов и рассматриваются существующие интерпретации. Каменные сооружения Карельского Поморья обычно рассматривались как объекты религиозных культов каменного века, древних саамов или карел. Анализ природного и культурного контекста, топографии и ареальных характеристик данных объектов показывает, что сооружения располагаются у промысловых пунктов (тоней) поморов и относятся к Средневековью и Новому времени. Назначение всех этих объектов связано с морскими промыслами поморов. С одной стороны, это результат приспособления инородного в Беломорье поморского населения к специфической природной среде на каменистых участках морского побережья и островов. С другой стороны, они являются частью промысловой культуры поморов, сложение которой стимулировала интенсивная экономическая и организаторская деятельность Соловецкого монастыря. В XVI–XVIII вв. он владел этими землями и вел широкую торговлю продуктами морских промыслов с другими областями Московского государства и скандинавскими странами. Таким образом, данные сооружения никак не связаны с языческими культами местного населения.

Ключевые слова: археология, Карелия, XVI в., каменные сооружения, очаги, фундаменты, менгиры, лабиринты, могилы в каменных ящиках, русские поморы.

Каменные сооружения вызывают живой интерес у археологов и любителей древностей, так как они точно не датируются, лишены четко выраженного культурного контекста и выглядят как «загадочные» объекты неясного назначения. Общие функции таких сооружений, как очаги и остатки построек, во многих случаях кучи и ямы, определяются без особого труда. Но есть виды каменных объектов, например, лабиринты и менгиры, принадлежность и назначение которых точно не выявляются путем изучения внешних признаков и могут быть опознаны с разной степенью достоверности только при тщательном изучении природного и культурного окружения.

Проблема заключается в том, что во многих случаях реальная связь такого рода частично, а иногда и полностью подменяется представлениями исследователей, которые приписывают каменным объектам предполагаемые символические значения и функции. В обычной практике чаще всего встречаются эмпирические интерпретации. В них предположения и догадки авторов основаны на смешении отдаленных формальных параллелей, элементов научных гипотез и теорий, порой почерпнутых из других дисциплин, ссылок на хрестоматийные образцы религиозных верований и местные легенды. Такие объяснения обычно отражают скрытые убеждения исследователей. В этих случаях

важную роль играет критический анализ исследовательской мысли, выраженной в способах решения проблем изучения и версиях интерпретации сооружений.

Нужно осознать погрешности общего порядка, которые приводят к противоречию. Речь не идет о тотальной нехватке данных, а об органических недостатках сравнительно-исторического метода интерпретации, включая опознание функций сооружений. Главным изъяном метода можно признать отсутствие четких теоретических ограничений и принципиальных оговорок, которое дает возможность на основании даже крайне отдаленного формального сходства сопоставляемых объектов приравнивать их функциональные и другие содержательные характеристики. Поверхностные сравнения объектов, вырванных из культурного контекста, обычно приводят к поспешным выводам и незрелым научным гипотезам, которые быстро превращаются в упрощенные псевдоисторические легенды.

Сходная ситуация сложилась вокруг рукотворных каменных сложений Беломорья. Ниже мы рассмотрим основные версии и попытаемся определить функции большой серии сооружений, расположенных в прибрежной зоне южного и западного побережья Белого моря, т.е. в Карельском Поморье. Речь идет о наиболее вероятной интерпретации назначения и принадлежности этих объектов.

В целом рукотворные каменные сооружения Поморья, кроме лабиринтов, попали в поле зрения исследователей в 1920-х годах, но круг памятников долго ограничивался объектами на островах архипелагов Соловецкий и Кузова (Виноградов, 1927; 1997

(1935); Брюсов, 1940; Мулло, 1984; Манюхин, 1996; 2003; Манюхин, Лобанова, 2002; Мартынов, 2002). Впрочем, с начала XX в. у российских археологов проявился избирательный интерес к каменным лабиринтам Беломорья (Спицын, 1904; Рева, 1907; Виноградов, 1927; Брюсов, 1940; Гурина, 1947, 1948; Мулло, 1966; Куратов, 1970; Титов, 1976 и др.). Прочие сложения не изучались и упоминались попутно, либо рассматривались очень бегло.

В результате экспедиционных работ ИЯЛИ Карельского НЦ РАН в 2000–2007 и 2010 гг. существенно пополнился корпус и расширился ареал сооружений (Лобанова, 2003; 2005; 2006; Косменко, 2007; 2007а). В прибрежной зоне еще остались белые пятна, однако общая картина распространения сооружений является достаточно полной в плане их видового разнообразия и количества. В настоящее время (2010 г.) на побережье и островах Белого моря в Карелии выявлено свыше 1300 рукотворных каменных объектов. Кроме того, крупнейшее скопление примерно из 1000 объектов находится на Соловецких островах в Архангельской области (Мартынов, 2002, с. 61–172). Другие части побережья не подвергались специальному обследованию, однако нет документированных сведений о каменных объектах в этих районах, кроме лабиринтов на Кольском п-ове. Массовая концентрация сложений из природного камня зафиксирована только в южной и западной прибрежной зоне Белого моря.

Сооружения Поморья находятся в скудном археологическом контексте и не привязаны к древним поселениям и средневековым деревням. Это об-

стоятельство затрудняет их датировку и определение функций. Исследователи пытались решить эти проблемы путем сравнения с похожими объектами и их функциями в других регионах и странах. Но внешнее сходство обманчиво и дает возможность самых разных объяснений.

Первая попытка интерпретации каменных сложений принадлежит Н.Н. Виноградову (1997 (1935), с. 192–199), который думал, что на Соловецких островах они относятся к верхнему палеолиту и отражают культ плодородия, конкретно, символику мужских и женских гениталий. Основанием послужили черты отдаленного сходства сложений с мегалитами и пещерными рисунками Испании и Франции. Эта концепция ныне представляет только историографический интерес. Датировка соловецких сооружений эпохой палеолита ошибочна, потому что бассейн Белого моря в позднем плейстоцене был покрыт ледником последнего оледенения, а в раннем голоцене уровень моря превышал современный на 80–110 м, покрывая Соловецкие острова (Лукашов, 2000; Лукашов, Демидов, 2001; Демидов, 2002). Условия для заселения Беломорья сложились только в конце бореала и теплом атлантическом периоде, когда уровень моря резко понизился и сформировался ландшафт, близкий современному. Именно в атлантическое время, вероятно, около середины VI тыс. до н.э., соответствующее позднему мезолиту, началось освоение бассейна Белого моря в Карелии (Филатова, 2009, с. 14–15, 21).

Среди археологов бытует мнение, что сооружения Поморья принадлежали оседлым саамам. Эти суждения базируются на концепции саамской

принадлежности и языческих культовых функций сооружений Беломорья, которая сложилась к 1980-м годам и опирается на результаты обследования архипелага Кузова карельским краеведом И.М. Мулло (Мулло, Рылеева, 1970; Мулло, 1984). «Саамский миф» уже частично (Лобанова, 2006) и в целом (Шахнович, 2006; Косменко, 2007; 2009) подвергался критике, однако продолжает использоваться при попытках определения функций беломорских объектов (Манюхин, 1996; 2003; Манюхин, Лобанова, 2002; Мартынов, 2002; Лобанова, 2003; 2005; 2006). Их появление было датировано I тыс. до н.э. и связывалось с культурой сетчатой керамики бронзового века (Манюхин, 1996, с. 355). Но поселения эпохи бронзы, железного века и раннего средневековья вообще отсутствуют в Поморье, кроме ряда пунктов в устье р. Выг, где совсем нет каменных сложений (Косменко, 1993; 1996; 2007а).

Эти авторы утверждают, что сооружения Поморья связаны с языческими верованиями местных саамов. Заявляют, что острова Белого моря, начиная с эпохи раннего металла, превратились в «табуированные священные места», где «совершались обряды, связанные с погребением умерших, культово-промысловой и рыболовной магией, инициацией, поклонением небесным светилам» (Мартынов, 2002, с. 109–110). Поскольку острова будто бы являлись «священными для аборигенов-язычников вплоть до появления в Поморье православного русского населения» (там же, с. 235), то «одной из причин строительства [Соловецкого] монастыря могло быть стремление православной церкви лишить лопадей их святилищ» (Манюхин, 1996,

с. 356). Соответственно, использование сооружений они ограничивают XV в. Однако монахи никогда не комментировали присутствие многочисленных сложений на Соловецких островах, кроме большого лабиринта, который будто бы повелел соорудить царь Петр I. В письменных документах не упоминаются конфликтные отношения саамов и соловецких православных монахов. Сложения были для монахов привычной частью окружающей среды. Они не вызвали отрицательную реакцию, в частности, попытки уничтожения, которые могло бы спровоцировать присутствие в окрестностях монастыря чуждых языческих святынь.

Нет смысла подвергать анализу определения упомянутыми авторами различных видов каменных сложений и их скоплений как саамских «пантеонов», «святилищ», «сейдов», «фаллических знаков», «антропоморфных идолов», «зооморфных камней-тотемов», «жертвенников», «дольменов», «погребений-кенотафов» и в целом как «культово-символических» памятников. У приверженцев «саамской» концепции фактически отсутствует методика опознания функций и принадлежности рукотворных каменных объектов. По сути дела, идея их «домонастырского» возраста базируется на предвзятом убеждении, что они были результатом деятельности язычников, а таковыми в Беломорье могли быть только саамы или другие нехристианские этноязыковые группы населения приморской зоны. Эти сравнения не работают и по другой причине. Археологи не выявили на Белом море следы популяции береговых саамов – морских промысловиков и мореходов от бронзового века

до Средневековья, которым могли бы принадлежать каменные сложения. По сведениям письменных источников, средневековые саамы обитали только на пресноводных водоемах во внутренних районах бассейна Белого моря (Амелина, 2009, с. 178–182), но там вовсе нет подобных сооружений. «Саамская» концепция опирается только на предвзятые убеждения сторонников, умозрительные суждения и поверхностные сравнения.

Согласно еще одной версии, сложения сделаны карелами, которые переселились из Приладожья на Белое море в XII–XIV вв. (Шахнович, 2003). Однако в Приладожье и других районах, населенных карелами, нет таких сооружений. Есть письменные сведения середины XV – начала XVI вв. о земельных владениях пяти родовых групп карел, локализованных севернее р. Выг на западном побережье Белого моря и южном, Терском берегу Кольского п-ова (Амелина, 2007, с. 67). Топонимисты предполагают, что карелы переселились сюда в XIV в. (Saarikivi, 2006, р. 44–51) или в XV–XVI вв. (Кузьмин, 2007, с. 179–181), т.е. перед освоением южного побережья моря русскими переселенцами, либо одновременно с ними. Нет данных о сложении в Поморье сети карельских поселений XII–XIV вв. Археологами они не выявлены, их существование не подтверждено и письменными документами. Малочисленные карелы, если даже условно допускать, что они тогда еще были язычниками, не могли создать свыше 2000 культовых сооружений в течение очень короткого «дославянского» или «домонастырского» периода, особенно в заселенном русскими южном Поморье и на Соловецких островах.

Итак, наблюдается несоответствие между огромным количеством различных сооружений якобы культового назначения и отсутствием сети приморских поселений языческих культур. Эта диспропорция наиболее отчетливо заметна в западном Поморье. Столь внушительное число сооружений разных видов и назначения могло принадлежать только многочисленному оседлому языческому населению с развитыми навыками и средствами мореплавания. Однако следы таких популяций не фиксируют ни археология бронзового, железного веков и раннего Средневековья, ни письменные документы, ни местные предания. В конечном счете, если приписывать языческие культовые функции каменным сооружениям Поморья, то они повисают в этнокультурном вакууме. Поэтому следует не просто примерять к этим объектам произвольно выбранные функциональные образцы, а сосредоточиться на изучении их связи с местным природным и хозяйственно-культурным контекстом.

Топографическое расположение и относительная хронология объектов. Особенностью топографического расположения рукотворных сооружений из природного камня в приморской зоне является тот факт, что они отсутствуют на морских террасах, удаленных от современной береговой линии, в том числе около древних поселений и их скоплений. Все объекты находятся на каменистых островах и участках современного морского побережья, но расположены на разных высотах над уровнем моря в интервале 2–118 м. Так, сложения на вершинах о. Русский и Немецкий Кузов находятся в интервале 80–118 м, лабиринты и насыпи на о. Олешин –

на высоте около 25 м, а лабиринт на о. Красная Луда сооружен чуть выше границы прилива, на высоте 2,5 м. Некоторые лабиринты на Соловках находятся на высоте 2 м, другие – на высотах 8–18 м (Мартынов, 2002, с. 61–83). Стела на Мальострове и менгиры на Сыроватке расположены на высоте 2–3 м, в протоке сев. Яголомба, губе Долгая, на мысу Гордней, о. Избяная и Крестовая Луда – 3–5 м, на о. Б. Робьяк около 10 м, на мысу Кирбей, о. Могильный и Пападьина около 10 и 17 м, Нем. Кузове выше 90 м. Каменные могилы расположены не выше 3 м у д. Соностров и 4–5 м на о. Бер. Лехлуды, а на мысах Пурнаволок и Кирбей находятся на уровнях 8 и 17 м. В интервале высот 2–20 м размещаются каменные кучи, ямы и очаги. Возникает вопрос о времени сооружения различных видов каменных объектов и причинах их расположения на разных высотах.

В этой связи нужно пояснить, что территория Фенноскандии после освобождения от колоссального давления материкового ледника испытывает непрерывное поднятие. Соответственно отступает береговая линия крупных водоемов. Этот процесс наглядно отразился в высотном размещении памятников различных эпох на южном и западном побережье Белого моря. Так, в западном Поморье самые древние поселения эпохи мезолита расположены выше 40 м над уровнем моря и значительно удалены от современного берега; памятники периодов неолита – энеолита известны на береговых высотах от 19 м, а поселения периодов бронзы – раннего Средневековья на западном побережье вовсе отсутствуют и выявлены только на внутренних озерах мор-

ского бассейна (Косменко, 2007а). На южном побережье моря в устье р. Выг мезолитические памятники неизвестны, стоянки эпох неолита – энеолита располагаются на высотах от 14 м, а поселения бронзового века – раннего Средневековья отсутствуют ниже 7,5 м над уровнем моря (Савватеев, 1977, ч. 2, табл. 13, 14).

Нужно подчеркнуть тот факт, что высота археологических объектов над уровнем моря не является точным показателем их относительного возраста. Дело в том, что высотное размещение поселений и каменных сооружений не представляет собой результат автоматических реакций людей на изменение береговой линии, а зависит от выбора ими наиболее удобных пунктов на любых уровнях выше приливного уреза воды, следовательно, от рельефа берега на конкретных участках. Поселения и другие памятники, кроме рыболовных сооружений, не были жестко привязаны к уровню моря. Поэтому памятники какой-либо культуры или периода нельзя датировать в рамках всего интервала их высотного размещения. Большинство таких формальных датировок будут в разной степени неверными. Например, комплексы бронзового века – раннего Средневековья на многослойных поселениях в устье Выга располагаются в интервале от 7,5 до 24 м, однако на уровнях выше 14 м они сочетаются с материалами каменного века – энеолита. Ясно, что все они не были синхронными и даже близкими во времени.

Таким образом, только нижняя граница расположения над уровнем моря памятников различных периодов и культур может служить надежным рубежом их относительной датировки. Этот рубеж фиксирует финальные

фазы их существования в данном районе. Но относительные даты начальных этапов крайне трудно определить высотным методом, потому что нужно точно знать уровень моря во время существования разных поселений исследуемой культуры и учитывать особенности рельефа конкретных участков побережья.

Виды сооружений. В Карельском Поморье отчетливо выделяются, по меньшей мере, 9 основных видов рукотворных сооружений. Это лабиринты, менгиры, пирамидальные сложения, могилы, ямы, очаги, кучи, фундаменты деревянных строений, наконец, уникальные объекты. Они рассеяны в прибрежной зоне Карельского Поморья от устья р. Нюхча на юго-востоке до широты Чупинского фиорда на севере (рис. 1). В функциональном отношении все каменные объекты можно схематично и достаточно условно разделить на две основные категории: 1) сооружения производственно-бытового и 2) непромышленного или точно не определенного назначения.

Производственно-бытовые сооружения. С хозяйственно-бытовой деятельностью непосредственно связаны каменные очаги и ямы, отчасти кучи. Как правило, они находятся у старых поморских промысловых пунктов. Определение функций этих сооружений по внешним чертам не вызывает особых затруднений.

Кучи. Каменные кучи высотой до 1 м имеют разные формы, размеры, возраст и назначение. Нет особого смысла классифицировать их по формальным признакам, потому что кучи часто имеют сходные округлые или овальные очертания, но существенно различаются в функциональном отно-

Рис. 1. Пункты с каменными сложениями в Поморье. 2010 г.

Острова у южного (Поморского) берега: 1. Коткано. 2. Большой Кузьмин. 3. Черная Луда. 4. Кондостров. 5. Перхлуды. 6. Голомянный. 7. Мягостров. 8. Салма Луда. 9. Малый Жужмуй. 10. Большой Жужмуй. 12. Кемская Губа. 13. Сатам. *Поморский берег:* 11. Мальостров. *Архипелаг Кузова:* 14. Русский Кузов. 15. Немецкий Кузов. 16. Лодейный. 17. Олешин. 18. Большой Вороний. 19. Жилой. 20. Средний. 21. Тапаруха. *Карельский (западный) берег:* 22. Поньгома. 23. Сырватка. 24. Протока южная Яголомба. 25. Протока северная Яголомба. 26. Долгая губа. 27. Мыс Гордней. 28. Мыс Кирбей. 29. Могила Пурнаволока. 30. Пурнаволок. 31. Сонручей. 32. Мыс Шоломбродский. 33. Могила Соностров. 34. Соностров. 35. Соленая Ламба. 36. Пункт южнее м. Шарапов. *Острова у Карельского берега:* 37. Малый Медвежий. 38. Большой Робьяк. 39. Малый Робьяк. 40. Олений. 41. Бережные Лехлуды. 42. Лоушкино. 43. Избяная Луда. 44. Крестовая Луда. 45. Палостров. 46. Могильный. 47. Пападына. 48. Тонисаар. 49. Соностров. 50. Пежаостров. 51. Красная Луда. 52. Оленевский. 53. Соловецкий архипелаг (Архангельская обл.).

шении. Некоторые кучи представляют собой округлые и овальные очаги в разрушенных промысловых избушках, банях и рыбокоптильнях. Однако под некоторыми кучами выявлены захоронения (рис. 2), а другие были подпорами поморских деревянных крестов. Есть кучи неясного назначения, которые имеют удлиненную или прямоугольную форму, как на о-вах Соностров, Тонисаар и Пежаостров. В них есть угли и углисто-золевые прослойки, как в очагах.

Очаги. Открытые очаги сложены из каменных плит, имеют прямоугольную П-образную форму и размеры до 1,5 x 1,2 м с высотой стенок до 0,8 м. Они встречаются в западном Поморье (о-ва Олений, Бережные Лехлуды). Есть и подковообразные очаги размерами до 2,2 x 2,0 м, высотой до 0,5 м (мыс Шоломбродский, о. Тонисаар и др.). В камерах очагов есть уголь и следы действия огня. В очагах на о. Бер. Лехлуды (рис. 3) и Олений наблюдался слой черной углистой массы и спекшейся смолы. Судя по небольшой высоте над уровнем моря, они сооружены не раньше Средневековья. Их можно квалифицировать как временные очаги вне пределов жилых или производственных строений. Такие же каменные очаги с высокими стенками для защиты огня от морского ветра делают и современные местные рыбаки (Долгая губа, юж. Яголомба, пролив Перговщина, о. Бережные). По всей видимости, эти временные очаги сделаны в русле местной традиции.

Ямы. Вблизи многих промысловых пунктов на островах и мысах выявлено около 150 ям. Совершенно нет оснований определять их, вслед за И.М. Мулло (1984, с. 76–77), как сле-

ды саамских жилищ-землянок. Также нет данных о культовом назначении ям, которое допускают другие авторы (Лобанова, 2006, с. 422). Это временные хранилища промысловой добычи и различных припасов. Они обычно располагаются группами, редко поодиночке на высоте от 2 до 20 м над морем. Четкой регулярности в их взаимном расположении не наблюдается. Ямы имеют округлую, овальную, реже прямоугольную форму, диаметр до 2,5 м и глубину до 1,5 м. Их сооружали в пределах галечных лент на морских террасах разной высоты, реже на площадках высоких каменистых мысов (рис. 4). Еще реже встречаются ямы-«пещеры», вырытые под крупными валунами (о. Малый Жужмуй) и прямоугольные углубления, перекрытые плоскими плитами (о. Салма Луда). Обычно они расположены вблизи заброшенных промысловых пунктов. Некоторые ямы-хранилища были сооружены сравнительно недавно, судя по остаткам деревянных перекрытий (о-ва Салма Луда, Зеленая Луда, пункт южнее мыса Шарпов).

Попутно отметим серию крупных и глубоких прямоугольных ям от кладовых-ледников на западном побережье (протоки юж. и сев. Яголомба, оз. Кювиканда, бухты Девичья, Глубокая, Сонруцкая, о. Тонисаар и др.). Они похожи на ямы от землянок, но на их дне и у выходов нет ни очагов, ни культурного слоя. Ледники-кладовые сооружены не раньше позднего Средневековья и сопутствуют крупномасштабному промыслу, ориентированному на хранение продукции с последующим сбытом накопленных партий.

Рис. 2. Каменная куча на могиле Соностров.

Рис. 3. Очаг на о. Бережные Лехлуды.

Рис. 4. Яма в окрестностях д. Соностров.

Рис. 5. Сооружение у мыса Пурнаволок.

Уникальное каменное сооружение у мыса Пурнаволок расположено на низком склоне берега моря (рис. 5). Оно не имеет аналогов в Поморье, но сделано не раньше времени сложения поморской культуры. Это крупная прямоугольная яма с выложенными камнями стенками (внешние размеры 4,5 x 3,0 м, внутренние – 2,6 x 2,0 м при глубине около 1 м) и крытым каменными блоками дымоходом (4,4 x 2,4 м, внутренняя ширина 0,6 м, высота 0,5 м). Местные жители опознают ее как разновидность рыбокоптильни. Такое объяснение вполне правдоподобно. По форме, размерам и конструкции сооружение очень похоже на кладовые-ледники, но они не имеют крытых каменных ходов.

Фундаменты построек. В ряде пунктов обнаружены низкие прямоугольные ленточные сложения из

камней, которые иногда называют «оградками». Многокамерные прямоугольные «оградки» на Соловках (о. Анзерский) были предположительно определены как саамские могильники XII–XV вв. (Мартынов, 2002, с. 127–132), но в ходе их раскопок не обнаружены признаки захоронений. Судя по составу находок (гончарная посуда, кованые гвозди), это остатки ленточных каменных фундаментов под стенами жилых или производственных многокамерных деревянных строений. Остатки похожих многокамерных построек раскопаны в северо-восточной Норвегии, где они принадлежали торговым сообществам средневековой эпохи (Henriksen, Amundsen, 2003). Вполне понятно их присутствие у Соловецкого монастыря, который вел обширную торговую деятельность.

В промысловых пунктах встречаются только одиночные «оградки». Они являются фундаментами стен избышек или амбаров размерами от 2х3 м до 6,5х4 м (о-ва Большой Кузьмин, Малый Жужмуй, немецкий Кузов, вероятно Бер. Лехлуды. Жилые сооружения строились и без каменных фундаментов. Следы такой постройки с очагом раскопал И.М. Мулло на Нем. Кузове (Шахнович, 2006, с. 410–411). Остатки бревенчатой избышки размерами 2,4х2,0 м с очагом-каменкой в сочетании с менгиром и ямой от кладовой-ледника находятся в бывшем промысловом пункте на сев. Яголомбе. Судя по всему, поморы возводили в промысловых пунктах наземные избы и никогда не пользовались землянками в качестве временных жилищ.

Непроизводственные и неопределенные сооружения. К этой категории отнесены объекты, функциональная связь которых с производственной деятельностью прямо не прослеживается и подлежит специальному исследованию. Это лабиринты, менгиры, пирамидальные сложения, отдельные сооружения уникальных форм, а также захоронения людей под кучами в каменных ящиках или обложенных камнями камерах. Сюда можно причислить и кучи-подпоры поморских деревянных крестов.

Лабиринты. Эти сооружения есть только в западной части Карельского Поморья. Сохранился лабиринт на о. Красная Луда (рис. 6) и два – на о. Олешин. Кроме того, есть не документированные упоминания о двух разрушенных лабиринтах в устье р. Поньгома (Мулло, 1966) и в Кемской губе (Гурина, 1961, с. 515). Это спиралевидные ленточные выкладки из не-

больших камней (классификацию северных лабиринтов см. Куратов, 1970). В южном Поморье лабиринтов нет. Не соорудили их и на внутренних водоемах.

Спорным вопросом является хронология лабиринтов Беломорья. Многие авторы датируют их по высоте над уровнем моря в очень широких временных рамках вплоть до каменного века. Но формальная хронология археологических объектов по высотному расположению может очень сильно расходиться с подлинным возрастом. Бесспорным можно признать средневековый возраст самых низких лабиринтов Беломорья, включая сооружение на о. Красная Луда. Несомненно, к Средневековью относятся и низко расположенные лабиринты на Соловецких островах. Есть даже сведения о том, что Петр I в 1702 г. будто бы повелел сложить на Большом Заяцком острове «в два ряда булыжных камней Вавилон или лабиринт» (Досифей, 1836, с. 180), однако факт его строительства документально не зафиксирован.

Нет необходимости здесь подробно анализировать различные умозрительные гипотезы о назначении лабиринтов, которые на севере Фенноскандии чаще всего приписывают саамам, их предкам либо неопознанным этноязыковым группам населения. Учитывая поздний возраст многих лабиринтовидных сложений, вопрос об их функциях остается спорным, если иметь в виду мнения ряда российских исследователей о предполагаемой связи с языческими культами, промысловой магией или погребальной обрядностью. В основе подобных концепций находится убеждение авторов в глубокой древности

традиции сооружения лабиринтов на европейском Севере и, соответственно, ее нехристианском религиозном содержании. Так, Н.Н. Гурина (1948, с. 133) считала, что возраст беломорских лабиринтов якобы «не моложе эпохи железа в Карелии». Это убеждение базируется только на сравнительно высоком расположении ряда лабиринтов над уровнем моря и традиции их интерпретации российскими археологами. Начало традиции в какой-то мере положил А.А. Спицын (1904, с. 111), осторожно признавший право на существование гипотезы о местном происхождении лабиринтов.

Между тем, предположения о культовом и производственно-магическом назначении беломорских лабиринтов совершенно не обоснованы, поэтому их можно рассматривать только как авторские убеждения. К их числу относится предположение, что древние рыболовы, совершая магические обряды, могли водить изображения рыб по извилам лабиринтов для обеспечения хороших уловов (Гурина, 1947, с. 92). Откровения подобные тем, что «лабиринты служили алтарями, на которых первобытные рыболовы приносили жертвы Хозяину Воды» (Титов, 1976, с. 17) либо были «символами потустороннего – «нижнего» – мира, в котором запутывались души умерших» (Мартынов, 2002, с. 110), представляют собой плоды воображения авторов. Версия о погребальном назначении беломорских лабиринтов (Брюсов, 1940, с. 150; Кабо, 2007, с. 264) тоже лишена фактического обоснования.

Другие археологи признают средневековый возраст и языческие культовые функции лабиринтов северной Фенноскандии. Но они либо игнори-

руют вопрос об отношении лабиринтов к христианству и соответствующей религиозной практике местного населения (Манюхин, 1996, с. 356, 360), либо рассматривают их, в русле новых теоретических шаблонов английской «постпроцессуальной» археологии, как негативную реакцию язычников саамов на экспансию христианской религии (Olsen, 1991; Ольсен, 2002). Это скрытая структуралистская модель объяснения в форме стандартной бинарной оппозиции христианства и язычества с их конфликтными отношениями. Однако под этим углом зрения невозможно дать правдоподобное объяснение обилия лабиринтов и похожих на них сложений в окрестностях Соловецкого монастыря, если представить их как массовую реакцию язычников-саамов на обрядовую практику православных монахов. Столь же трудно представить, что множество подобных сложений-«символов» было сделано язычниками с целью намеренного совершения ритуалов возле монастыря. Этот воображаемый конфликт не отражен в письменных документах и местных преданиях. В конечном счете, остается неясным, в какой этнокультурной среде, каким образом и как долго функционировали беломорские лабиринты.

Формальные исторические параллели этим лабиринтам ведут главным образом в Южную и Западную Европу. В европейских источниках есть сведения о разных функциях и контекстах, как и различные интерпретации сооружений такого рода. К примеру, в Средиземноморье получил широкую известность легендарный лабиринт в Кноссе на Крите. Однако раскопки А. Эванса в царском дворце

Кноссы не выявили следов лабиринтовидной конструкции. Представления древних греков о лабиринтах связаны с семантикой этого слова, которое обозначало постройку со сложной внутренней планировкой. В переработках древних легенд, сделанных драматургами классического периода для аттического театра в Афинах, кносский лабиринт был представлен как обиталище мифического монстра Минотавра, которому по приказам жестокого кносского царя Миноса жертвовали афинских заложников либо как сооружение, из которого заложники не находили выхода и погибали. В этих версиях преобладают мифические детали на фоне политического контекста, который сложился в Афинах после неудачной войны с Критом за морское господство и необходимости посылать заложников в Кносс. В более поздней, выдержанной в реалистических тонах версии конца IV – III вв. до н.э. у историка Филохора, кносский лабиринт, по словам жителей Крита, представлял собой обычную тюрьму. Ее охраняли, чтобы не убежали заложники, дальнейшая судьба которых изложена в реалистической манере безотносительно к подлинности ряда традиционных мифических деталей и событий (обзор версий см: Плутарх. Тесей, XV, XVI, XIX). Этот показательный пример свидетельствует о том, что «народные» интерпретации конкретных сооружений могут сильно различаться в зависимости от социальной среды и политического контекста.

В Средневековье многочисленные лабиринты создавались севернее Средиземноморья. Здесь не место для подробной характеристики и анализа такого рода изображений в католиче-

ских храмах, светских садово-парковых лабиринтов из декоративных кустов, а также подобных сооружений из дерна или камней, которые были популярны в странах Центральной и Северной Европы в Средневековье – Новом времени (см.: Kraft, 1977). Они создавались с различными целями в разных контекстах и имели неодинаковое назначение. Отсюда понятна необходимость критического анализа источников с учетом современной им социальной, политической и религиозной среды. Лабиринты имели разные формы и функции, и их объяснение невозможно свести к какой-либо модели, принятой в качестве универсального шаблона. Прямая примерка функций конкретных лабиринтов в качестве стереотипных объяснений принципиально ошибочна.

Единственным стереотипом может служить только такая универсальная, инвариантная идея, которая отражает общее реальное или воображаемое создателями и пользователями свойство всех подобных сооружений. Наиболее важным и ценным результатом сравнительных изысканий можно признать факт широкого распространения в древности представления о лабиринтах как сооружениях, из которых нет легкого выхода. Это универсальное представление отражает объективное специфическое свойство конструкции всех лабиринтов – его отметила и Н.Н. Гурина (1947, с. 92). Данное свойство прямо не зависит от контекста, но могло проявляться самым различным образом в конкретных ситуациях – от выражения абстрактно-символических представлений до практического использования сооружений подобной конструкции.

Сведения о подлинных функциях северных каменных лабиринтов и их создателях нигде в Фенноскандии не зафиксированы в письменных источниках. Устная информация местного населения тоже не раскрывает реальный культурный контекст и первоначальное назначение этих сооружений (см. Aspelin, 1877; Гурина, 1948; Kraft, 1977, Olsen, 1991). В Беломорье местные жители связывали их с именами военачальника XIV в. Валита Корелянина, царя Петра I, беглых соратников Емельяна Пугачева или объясняли как следы лыж лешего (Гурина, 1948, с. 130). Это типичные локальные легенды, где лабиринты связываются с деятельностью исторических личностей либо отражают местные суеверия. Они свидетельствуют лишь о том, что местное население в XIX–XX вв. уже забыло первоначальное назначение лабиринтов. Их функции можно с разной степенью точности определить только косвенным путем и только научными средствами. Задача сводится к тому, чтобы определить конкретную форму использования универсального свойства беломорских лабиринтов.

Тот факт, что подлинные функции лабиринтов были забыты, не свидетельствует о глубокой древности этих сложений, а о том, что традиция их сооружений прервалась и не имела прочных корней в производственной и духовной сферах культуры местного населения. Упомянутые легенды представляют собой обычное для традиционной культуры вторичное осмысление сохранившихся объектов, память о первоначальном назначении и традиции воспроизводства которых были утрачены до XX в. К их числу относятся и сравнительно недавно

сделанные объекты, например, поморские деревянные кресты. Видимо, память о реальном назначении даже таких сооружений, бесспорно имеющих отношение к религиозной символике, довольно быстро размывается с прекращением их функционирования в живой культуре. В принципе быстрое исчезновение в духовной культуре представлений о функциях лабиринтов можно рассматривать как косвенное свидетельство их производственного, а не культового назначения, но только в сочетании с другими косвенными данными.

В этом отношении очевидна отмеченная многими исследователями связь северных лабиринтов с морским рыболовецким промыслом, потому что их очертания копируют морские ставные орудия лова (обзор см.: Гурина, 1948). Практически все лабиринты и другие сложения похожих форм находятся вблизи современного берега моря, места их расположения обычно совпадают с рыболовецкими тонями поморов, а некоторые лабиринты передают «достаточно точно форму отдельных рыболовных снарядов» (Гурина, 1947, с. 92; 1948, с. 132–133, 141). Согласно, на мой взгляд, наиболее близкой к реальности версии И.М. Мулло (1966, с. 192), лабиринты западного Поморья представляют собой «планы» ловушек для морского лова семги, которые применялись в промысловой деятельности поморов. Менее сложные ловушки использовались для добычи мелкой рыбы. Каменные макеты оснований таких сооружений («вентери», «звезды», «розетки») есть на Соловках (Мартынов, 2002, с. 67–68 сл.). Однако вряд ли возможно, вслед за И.М. Мулло, определять все лабиринтоподобные сло-

жения как следы действующих стационарных ловушек из прутьев или сооружений из кольев типа заколов, которые более типичны для речного, отчасти прибрежного рыболовства. В море их устанавливали на приливном мелководье возле берега. Однако многие лабиринтоподобные сложения расположены довольно высоко над морем, поэтому их определение как следов действующих ловушек неизбежно и автоматически привязывает относительные датировки к соответствующим высотам. В лабиринтах и около них нигде не выявлены остатки вкопанных в грунт деревянных конструкций. Больше того, лабиринтообразные сложения расположены на каменистом грунте, иногда на скальном основании, где трудно или просто невозможно соорудить стационарные ловушки. Чтобы объяснить эту ситуацию, нужно либо вернуться к формальным датировкам по высотному расположению, либо признать, что лабиринты имели другое назначение.

На мой взгляд, все лабиринтоподобные сложения можно квалифицировать как объекты производственного назначения, а именно контуры оснований стационарных деревянных сооружений для профилактических работ с морскими сетевыми ловушками различной конструкции. Современные рыбаки регулярно чистят и чинят продольные сети на вешалах, копирующих их очертания и размеры. Станные морские ловушки, как и прочие виды сетей, легко засорялись во время штормов, быстро обрастали водорослями и нуждались в периодической просушке, чистке и ремонте. Развешивать их для профилактики крайне трудно иначе, как на специальных макетах, копирующих сложные формы.

Макеты оснований сложных сетевых ловушек вполне возможно и легче всего сооружать на любой пригодной высоте по плану, обозначенному такими способами, которые достаточно точно, надежно и зримо фиксируют их контуры, в т.ч. выкладками из камней на каменистых участках местности.

Отсюда понятно, почему лабиринты находятся на ближней к местам постановки ловушек морской стороне побережья и островов. Их сооружали в наиболее удобных местах побережья на любой ближней высоте. В лабиринтах и около них никогда не концентрировались остатки бытовой материальной культуры их создателей, тем более сакральные предметы. Здесь могут встретиться только случайные находки изделий производственного и бытового назначения. Отсутствие каких-либо культурных остатков подтвердили раскопки беломорских лабиринтов, сделанные К.П. Ревой (1907) и А.Я. Брюсовым (1940, с. 149–150). Также понятно, почему лабиринтов больше всего, свыше 30, на сравнительно густо населенных со времени основания монастыря Соловецких островах, где довольно много каменных оснований моделей и менее сложных ловушек. Там нет рек и соответствующих мест для речного лова нерестовой рыбы. Добывать семгу, как и другие виды рыб, можно только в море разнообразными ставными ловушками или продольными сетями. Макеты для профилактических работ с сетевыми ловушками сооружали на ближних, разной высоты участках берега островов. Однако на побережье моря, где нерестовую рыбу можно было ловить в реках, морскими ловушками пользовались гораздо

реже либо макеты их оснований не всегда делали из камней.

Конечно, никак не соотносятся с реальностью замысловатые схоластические объяснения обилия лабиринтов и других похожих сооружений на Соловках тем обстоятельством, что на этих островах будто бы сложился «особый духовный микромир», потому что благодаря своему географическому положению они находились между «средним» (люди, фауна, флора) и «нижним» мирами» (Мартынов, 2002, с. 120). В конечном счете, «упрощенный характер» и «наивный рационализм» подхода И.М. Мулло (Куратов, 1970, с. 36, 37) объясняют данную ситуацию гораздо конкретнее и правдоподобнее, чем детально не продуманные или явно вымышленные интерпретации разного рода, которые основаны на далеких, слабо осмысленных формальных параллелях, превращенных в шаблоны. Между тем, независимо от всех существующих концепций нужно признать, что каменные лабиринты представляют собой межкультурное и межэтническое явление в средневековой Северо-Западной Европе. Поэтому их функциональные и содержательные характеристики следует определять в зависимости от хозяйственного и этнокультурного контекста.

Географическое положение сходных объектов в пределах ареала может косвенно указывать на их происхождение. Поморье находится на северо-восточной окраине ареала каменных лабиринтов. В принципе, они могли появиться на этой периферии либо в ходе непосредственного приспособления хозяйственной деятельности к специфике морской природной среды, либо путем заимствования у сосед-

них популяций. В Поморье они вряд ли были оригинальным изобретением переселенцев карел или русских, у которых нет похожих объектов в исходных областях расселения. Кроме того, близкое сходство форм каменных лабиринтов Фенноскандии свидетельствует в пользу их заимствования жителями восточной периферии этого региона. Судя по всему, традиция сооружения лабиринтов появилась на Белом море вместе с приемами гораздо более сложного морского, а не традиционного, относительно легкого речного лова семги на порогах. Вероятнее всего, специфические орудия и приемы морского лова были заимствованы поморами у жителей других приморских областей Фенноскандии. Таким образом, лабиринты Поморья можно с большой вероятностью квалифицировать как результат хозяйственно-культурной адаптации пришлого средневекового населения.

Скорее всего, именно инородное происхождение производственной традиции сооружения лабиринтов было одной из причин того, что поморы быстро о них забыли. Поэтому и начало, и финал использования лабиринтов следует связывать с изменениями направлений, техники и масштабов морского рыболовецкого промысла. Конкретная динамика процесса изменения его способов у поморов пока детально не изучена. Вероятнее всего, исчезновение лабиринтов можно связывать с переходом местного населения от добычи морской рыбы с помощью сложных ставных ловушек на ловлю продольными сетями, которая проще в техническом отношении, но требует более частых выездов в море для проверки сетей. Сетевую ловлю можно связать с изменением состава

Рис. 6. Лабиринт на о. Красная Луда.

Рис. 7. Менгир
в урочище
Сыроватка.

ва промысловой добычи и переходом населения к массовому вылову для продажи таких некрупных видов морских рыб, как сельдь, навага, камбала, треска, которые стали популярны в России среди достаточно широких слоев населения примерно с середины XVIII в. («соловецкая» селедка и «лабардан», т.е. треска). Наряду с сетями для их добычи применялись и ставные ловушки простых форм.

Менгиры. О принадлежности и функциях менгиров имеется довольно много косвенной информации. Эти сооружения (числом свыше 80) большей частью находятся на островах Белого моря, изредка встречаясь на побережье (11 экз.). Они встречаются поодиночке или группами и находятся на высоте от 2 до 90 м. Менгиры располагаются по соседству с каменными ямами, кучами и насыпями, фундаментами, овальными кладками, пирамидками, захоронениями и промысловыми пунктами. Нужно отметить уникальную комбинацию в заброшенном промысловом пункте на сев. Яголомбе, где менгир сочетается с остатками избушки и ямой-ледником. В некоторых пунктах обнаружены только менгиры.

Эти сооружения представляют собой разных форм и размеров нестандартные каменные блоки и плоские плиты высотой от 0,6 м до 2,75 м в вертикальном положении, которые подперты камнями или укреплены в скальных трещинах. Обычно это природные камни без признаков обработки. Однако на менгирах в урочище Сыроватка заметны параллельные канавки вдоль длинных краев (рис. 7). Канавки можно квалифицировать как следы разметки перед расчленением крупных плит или ломкой каменных

блоков из скального массива. Современные поморы относятся к менгирам с безразличием, но не связывают с языческими культами и не комментируют их функции и принадлежность. У поморов нет устной традиции, связывающей менгиры и иные сооружения с иноязычным населением или иноверцами. В западном Поморье известна только легенда о превращении в камни на о. Кузова «немцев» – участников неудачных шведских военных рейдов на Белое море в конце XVI – начале XVII в.

Приписывать менгирам значение фаллических символов, вслед за Н.Н. Виноградовым (1997 (1935)), И.М. Мулло (1984, с. 66) и их последователями, нет никаких оснований. Вольные ассоциативные образы у некоторых авторов не являются решающими доводами для опознания конкретной символики объектов. Вертикально поставленные камни не являются символами, выражающими универсальные идеи, кроме той, что они должны быть заметными, чтобы привлекать внимание людей или воображаемые сверхъестественные силы. Поэтому менгиры в принципе могли сооружаться в определенных местах и иметь разные функции. Судя по ареалу, их сооружение в Белом море не было специфической традицией любой из местных этноязыковых групп населения. Однако севернее д. Гридино на западном побережье Белого моря они не обнаружены, и можно утверждать, что массовое сооружение менгиров не характерно для саамов северной Фенноскандии. Во внутренних районах Беломорья их нет.

В Поморье прослеживается общая параллель между расположением менгиров и поморских береговых и

островных крестов, а также лабиринтов. Менгиры, лабиринты и деревянные кресты явно имеют отношение к морю, располагаясь на открытых к нему участках побережья и островов. Высота их расположения зависит от профиля склонов на конкретных участках морского берега. Но ареалы лабиринтов и менгиров практически не совпадают, тогда как массовое распространение менгиров и поморских деревянных крестов почти не различаются. По словам местных поморов, деревянные кресты представляли собой знаки владения промысловыми пунктами, путевые ориентиры и предупредительные маяки, иногда знаки памяти о погибших в море людях (Кузнецова, 2003, с. 159–161). Однако речь идет о сообщениях современных информаторов, которые уже не воздвигали кресты и не помнили точные сведения о назначении и символике таких объектов. На старых поморских крестах есть стандартные надписи, знаки и изображения, которые не вполне сопрягаются с их определением как маяков или памятных сооружений.

Кресты и менгиры сосредоточены на участках промысловой деятельности местного населения средневекового и более позднего времени. На Сыроватке, Мальострове, о. Б. Жужмуй и Избяная Луда они датируются не раньше позднего Средневековья по высоте над уровнем моря. Менгир у промыслового пункта на сев. Яголомбе, судя по культурному контексту, относится к недавнему времени. На стеле у промыслового пункта Мальостров в устье Сумы выбиты православный крест и дата 1760 г. Судя по расположению и знакам, стела идентична деревянным крестам. Нужно заметить, что менгиры обычно

не сочетаются с крестами. Вероятно, оба вида сооружений имели сходные функции и заменяли друг друга. Судя по всему, менгиры, как и кресты, представляли собой заметные с моря знаки владения промысловыми участками, и в этом заключалось их основное назначение. Менгиры ставили не только у промысловых пунктов, но, видимо, иногда и на границах участков. В некоторых ситуациях эти небольшие сооружения могли выполнять побочную функцию ближних, но не дальних ориентиров.

Есть основания предполагать, что кресты, а возможно и заменяющие их менгиры, были не только маркерами, но параллельно выполняли символическую функцию оберегов промысловых участков и их пользователей. Речь идет об охранительном свойстве христианского креста, которое в повседневной практике православных верующих играет заметную роль среди его многозначной символики (универсальное, инвариантное свойство креста – быть посредником в отношениях между человеком и сферой сверхъестественных явлений). Косвенный признак охранительной функции можно усматривать в сооружении крестов, а не других видов маркеров промысловых участков. Иначе непонятно, почему у многих промысловых пунктов поморы ставили именно кресты, нередко с датами и стандартными надписями. На каменной стеле Мальостров высечен типичный православный «крест Голгофы» с характерным для него набором атрибутов и стандартных надписей (рис. 8). На очень старых крестах в северной части Карельского Поморья есть иконообразные изображения, вероятно покровителя мореходов и рыбаков св.

Рис. 8. Менгир на мысу Мальостров.

Рис. 9. Каменная насыпь на о. Могильный.

Николая Мирликийского или местных подвижников, а также малопонятные знаки в круглых рамках. Можно предполагать, что это персональные знаки пользователей промысловых участков во владениях Соловецкого монастыря. Таких знаков нет на крестах с вырезанными на них датами в пределах второй половины XIX в.

Пирамидальные сложения. Беломорским менгирам, видимо, близки по своим функциям некоторые камни с «головками», они же «сейды второго – пятого типов» или «сейда-камни», как их называют И.М. Мулло (1984, с. 62–63) и его последователи (Манюхин, 1996, с. 348–352; Мартынов, 2002, с. 158–159). Это пирамидки высотой до 1 м общим числом около 900, состоящие из нескольких мелких камней, положенных на крупные либо из небольших камней, лежащих друг на друге. Они сосредоточены на островах в южной части моря – Б. Жужмуде, Черной Луде, Кондострове, Коткано и особенно многочисленны на островах Кузова. Такие сложения есть и на Соловках. Пирамидки сооружали на разных высотах, вплоть до вершин островов. Частично они датируются не раньше позднего Средневековья.

Использование пирамидок в качестве объектов культового почитания – сейдов нигде в южном Беломорье достоверно не установлено, а сложения на о. Черная Луда определены как разновидность менгиров (Лобанова, 2003, с. 104; 2006, с. 419). Вполне вероятно, что их делали при отсутствии подходящих камней для менгиров. Некоторые пирамидки могли иметь иные функции, в частности, служить подставками для костровых перекладин.

Каменные «фигуры». О каменных фигурах «тотемных животных и

птиц» – медведей, оленей, тюленей, лягушек и др. (около 80 экз.), а также «антропоморфных изображений идола Тиермеса» на о. Русский и Немецкий Кузова (Мулло, 1984; Мартынов, 2002, с. 158–159), можно сказать лишь то, что эти характеристики всецело созданы фантазией авторов. Объекты такого рода представляют собой отдельные природные камни различных форм или обычные рукотворные сложения с «головками». Они не сопровождаются культурными остатками или иными культовыми атрибутами.

Могилы. Пять одиночных могил в каменных ящиках и камерах под овальными кучами раскопаны на западном побережье (Соностров; мысы Пурнаволок, Кирбей и о. Бер. Лехлуды). Они находятся на каменистых и скальных участках морского берега высотой 2–17 м у поморских промысловых пунктов. Каменные могилы не имеют особых черт и представляют собой овальные сложения высотой до 1 м и размерами от 4,8 x 3,6 м (Бер. Лехлуды, могила 2) до 1,65 x 1,3 м (Пурнаволок). Следы намогильных крестов не выявлены. Скелеты находились под кучами в камерах (Бер. Лехлуды, Соностров (рис. 2)) или в каменных ящиках из вертикально поставленных плит (Пурнаволок, Кирбей). Прямоугольные ящики и камеры по христианскому обычаю ориентированы в направлении запад – восток, а погребенные в трех случаях лежали на спине головой на запад или северо-запад, в одном случае на боку в тесной камере. Погребальный инвентарь отсутствовал, кроме кусочка слюды и венчика гончарного сосуда не древнее XVII в. в могиле Соностров. По предварительному определению антрополога В.И. Хартановича, погребенные

являются европеоидами, вероятнее всего, представителями популяции карел.

Речь может идти о захоронениях поморов позднего Средневековья – Нового времени, которые жили здесь в период сезонных промыслов семьями или артелями и не могли быстро переправить умерших людей на удаленные деревенские кладбища. Современные поморы помнят такие ситуации. Каменные могилы представляют собой косвенные свидетельства стационарной промысловой деятельности поморов за пределами своих населенных пунктов.

Уникальные комплексы. В западном Поморье к ним относятся сложенные на вершинах островов Олешин и Могильный, которые представляют собой насыпи высотой до 1 м. Насыпи из камней есть на Соловках и на нескольких островах в южной части мор (Мартынов, 2002; Шахнович, 2003; Лобанова, 2003). Они не имеют стандартной конфигурации или размеров и располагаются на возвышенной части островов. В целом назначение большинства насыпей по внешним признакам точно не определено и может быть предметом специального изучения. Весьма вероятно, что некоторые насыпи использовались для профилактических работ с несложными сетевыми орудиями для морского лова рыбы. В этом отношении любопытна насыпь длиной свыше 20 м у вершины о. Могильный (рис. 9). Она имеет два «крыла» и утолщенную центральную часть, на внешнем конце которой сохранились остатки деревянной постройки. На гребне насыпи сложены пять небольших куч, в которых были укреплены деревянные колья. Вдоль насыпи могли растягивать на кольях

для чистки и починки длинную сетевую ловушку типа сети с крыльями и мешком-накопителем в центре.

На западном берегу (Сыроватка, юж. Яголомба, мыс Шоломбродский) и островах у южного побережья моря (Голомянный, Мягостров, Коткано, Кондостров) известны кольцевидные сложения диаметром от 0,8 до 9 м. Они относятся ко времени не ранее средневековой эпохи, судя по небольшой высоте над уровнем моря и расположению у промысловых пунктов. Однако их назначение точно не установлено.

Заключение. Каменные сооружения Карельского Поморья являются фрагментом неполной, но широкой картины промысловой деятельности поморов. Ее археологический аспект интересен тем, что позволяет описать черты специфической адаптивной промысловой культуры на Белом море. Поморы сложились как разнородная, но интегрированная локальная группа русскоязычного населения, которая сформировалась к середине XVI в. из русских переселенцев на южном и карел на западном побережье моря (Жуков, 2005, с. 86–89). Речь идет о довольно редком случае, когда возможно выявить соотношение между приспособлением хозяйства разноязычных переселенцев к новой, морской природной среде и организацией их экономической деятельности.

В Поморье наблюдается отчетливое сосредоточение каменных сложений в узкой прибрежной зоне, которая представляет собой особую природную среду. В ее пределах контрастно сочетаются условия, свойственные пресноводным озерно-речным системам внутренних районов бассейна Белого

моря и морская среда, приспособление к которой требовало выработки особых навыков и традиций. Все сооружения из природного камня расположены вне деревень, на каменистых участках морского побережья и островов у специализированных промысловых пунктов поморов. Они представляют собой результат экологической адаптации жителей прибрежной зоны.

Каменные сложения Поморья были связаны с промысловой деятельностью поморов. Состав, количество и локализация сооружений зависели от направлений, способов и масштабов промыслов. Создание сети специализированных пунктов и высокая продуктивность промыслов были достигнуты только в позднем Средневековье и связаны с ориентацией поморов на товарное производство, направления и объем которого прямо зависели от экономической политики Соловецкого монастыря. В начале XVII в. он завладел всей прибрежной зоной южного и западного Беломорья. Существенную роль в сложении профиля поморской экономики играло приспособление к потребностям внешнего рынка. Монастырь широко торговал продукцией морских промыслов с другими областями Московского государства, а также скандинавскими странами и был самым крупным субъектом экономической деятельности на российском Севере. Нужно подчеркнуть, что массовая концентрация рукотворных каменных объектов полностью совпадает с зоной промыслов поморов во владениях монастыря. Основную массу сооружений Поморья можно отнести к XVI–XVIII вв. – времени интен-

сивной промысловой деятельности поморов в монастырских угодьях.

Этими условиями определяется назначение сложений из природного камня, а их состав прямо связан с профилем деятельности промысловиков. Среди них опознаются хозяйственные ямы для хранения добычи и припасов, фундаменты строений, кучи различного назначения, в т.ч. подпоры крестов и случайные могилы, сооружения для профилактических работ с орудиями сетевого лова, включая лабиринты. Менгиры и пирамидки были маркерами промысловых участков в монастырских владениях. Есть сложения с неясными функциями, например, кольцевидные выкладки и некоторые насыпи.

Нет заметных свидетельств того, что сооружения Беломорья представляют собой объекты языческих культов либо их пережиточных форм. Нет и следов соответствующего культурного контекста. Саамы обитали во внутренних районах беломорского бассейна и там никогда не делали подобных сооружений. Сложения всех видов могут соотноситься только с деятельностью поморов, которые были православными христианами. Судя по обряду захоронения и крестам, они вписываются в христианский православный контекст. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что религиозные представления и православная символика не определяли основные функции сооружений, но органично их дополняли в качестве сопровождающих традиционных элементов духовной культуры поморов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амелина Т.П.* Из истории средневековых поселений Беломорья // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. – Петрозаводск, 2007.
2. *Амелина Т.П.* Вопросы хозяйственно-культурной адаптации населения Карелии в эпоху Средневековья и Нового времени // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. – Петрозаводск, 2009.
3. *Брюсов А.Я.* История древней Карелии // Тр. ГИМ. Вып. IX. – М., 1940.
4. *Виноградов Н.Н.* Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных памятников // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. 4. – Соловки, 1927.
5. *Виноградов Н.Н.* К вопросу о значении некоторых первобытных сооружений Соловецкого архипелага // Археология Севера. – Петрозаводск, 1997 (1935).
6. *Гурина Н.Н.* К вопросу о лабиринтах Беломорья // Археологический сборник. – Петрозаводск, 1947.
7. *Гурина Н.Н.* Каменные лабиринты Беломорья // СА. – 1948. – Т. X.
8. *Демидов И.Н.* История развития ландшафтного заказника «Кузова» в Белом море в поздне- и послеледниковье // Культурное и природное наследие островов Белого моря. – Петрозаводск, 2002.
9. *Досифей.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. – М., 1836.
10. *Жуков А.Ю.* Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. – Петрозаводск, 2005.
11. *Кабо В.Р.* Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. – М., 2007.
12. *Косменко М.Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. – СПб., 1993.
13. *Косменко М.Г.* Эпоха средневековья. Поселения охотничье-рыболовецких культур // Археология Карелии. – Петрозаводск, 1996.
14. *Косменко М.Г.* Древности приморской зоны южного и западного Беломорья // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. – Петрозаводск, 2007.
15. *Косменко М.Г.* Каталог археологических памятников приморской зоны южного и западного Беломорья // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. – Петрозаводск, 2007а.
16. *Косменко М.Г.* Экологическая и культурная адаптация охотников-рыболовов бронзового, железного веков и морских промысловиков эпохи Средневековья в Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. – Петрозаводск, 2009.
17. *Кузнецова В.П.* Почитаемые места и памятники Поморья // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. – Петрозаводск, 2003.
18. *Кузьмин Д.В.* Формирование этнолингвистической карты карельского Поморья по сведениям топонимии // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. – Петрозаводск, 2007.

19. Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы (опыт классификации) // СА. – 1970. – № 1.
20. Лобанова Н.В. Итоги и перспективы изучения археологических памятников Онежской губы Белого моря // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. – Петрозаводск, 2003.
21. Лобанова Н.В. Археологические исследования на Карельском берегу Белого моря (2003–2005 гг.) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. – Петрозаводск, 2005.
22. Лобанова Н.В. К вопросу о каменных сооружениях Карельского Беломорья (по материалам археологических разведок 2000–2005 гг.) // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки, 2006.
23. Лукашов А.Д. Геология и геоморфология // Позднеледниковье и голоцен Восточной Фенноскандии (палеорастиельность и палеогеография). – Петрозаводск, 2000.
24. Лукашов А.Д., Демидов И.Н. Условия формирования рельефа и четвертичных отложений Карелии в поздне- и послеледниковье как основа становления современной природной среды // Биогеография Карелии. Тр. Карельского НЦ РАН, серия «Биология». Вып. 2. – Петрозаводск, 2001.
25. Манюхин И.С. Саамы (культовые памятники) // Археология Карелии. – Петрозаводск, 1996.
26. Манюхин И.С. Культовые места саамов в Карелии // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.
27. Манюхин И.С., Лобанова Н.В. Археологические памятники архипелага Кузова // Культурное и природное наследие островов Белого моря. – Петрозаводск, 2002.
28. Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. – Архангельск; Соловки, 2002.
29. Мулло И.М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. – Петрозаводск, 1966.
30. Мулло И.М. Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья. – Архангельск; Соловки, 1984.
31. Мулло И.М., Рылеева А.Д. Новые древние саамские культовые памятники на островах Белого моря // АО 1969 года. – М., 1970.
32. Ольсен Б. Северные лабиринты // Культурное и природное наследие островов Белого моря. – Петрозаводск, 2002.
33. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. – М., 1961.
34. Рева К.П. О раскопках в 1907 г. // ОАК за 1907 г. – СПб., 1907.
35. Савватеев Ю.А. Залавруга. Ч. 2. Стоянки. – Л., 1977.
36. Спицын А.А. Северные лабиринты // ИАК. – 1904. – Вып. 6.
37. Титов Ю.В. Лабиринты и сейды. – Петрозаводск, 1976.
38. Филатова В.Ф. Проблемы изучения экологической и культурной адаптации населения Карелии эпохи мезолита // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. – Петрозаводск, 2009.
39. Шахнович М.М. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. – Петрозаводск, 2003.

40. Шахнович М.М. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И.М. Мулло: хроника сложения «саамского» мифа // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки, 2006.

41. Aspelin I.R. Latularhat Suomen rautamailla // Finska Forminustörens Tidskrift. Т. II. – Helsingfors, 1877.

42. Henriksen J.E., Amundsen C.P. Multi-room houses and trans-cultural interaction in medieval coastal Finnmark // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. – Петрозаводск, 2003.

43. Kraft J. Labyrint och ryttalek // Fornvännen. 72. – Stockholm, 1977.

44. Olsen B. Material metaphors and historical practice: A structural analysis of stone labyrinths in coastal Finnmark // Fennoscandia Archaeologica. VIII. – Helsinki, 1991.

45. Saarikivi J. On the uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation // Substrata Uralica. (Article 2). – Tartu, 2006.

Информация об авторе:

Косменко Марк Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия); kosmenko@sampo.ru

BELONGING AND FUNCTIONS OF STONE CONSTRUCTIONS IN KARELIAN MARITIME AREA

M.G. Kosmenko

The results of the study of numerous stone structures at 52 points on the White Sea coast and islands in Karelia are presented in the article. Their basic types are described; existing interpretations are discussed. The stone structures of Karelian Pomorje have usually been interpreted as objects of religious cults of the Stone Age, erected by ancient Sami or Karelians. The analysis of natural and cultural context, topography and areal characteristics of these objects shows that the structures are located near Pomor sea fisheries ('tonya') and refer to the Middle Ages and the Modern time. The purpose of all these objects is connected to the Pomor sea fisheries. On the one hand, this is a result of adaptation of the Pomor population, alien in the White Sea coastal regions, to a specific natural environment on the rocky parts of the coastline and the islands. On the other hand, the objects are part of the Pomor fishing culture, whose formation was stimulated by intense economic and organizational activities of the Solovetsky Monastery. In the 16th to 18th centuries, the latter owned these lands and was engaged in extensive trade in products of sea fisheries with other areas of Muscovy and the Scandinavian countries. Thus, the stone structures in question cannot be connected with the pagan cults of the local population.

Keywords: archaeology, Karelia, 16th century, stone structures, hearths, basements, menhirs, labyrinths, graves in stone boxes, the Russian Pomors.

REFERENCES

1. Amelina, T. P. 2007. In Lobanova, N. V. (comp.). *Kompleksnyye gumanitarnyye issledovaniia v basseine Belogo moria (Complex Humanitarian Studies in the White Sea Basin)*. Petrozavodsk: "Ostrova" Publ., 66-78 (in Russian).

2. Amelina, T. P. 2009. In Kosmenko, M. G. (ed.). *Adaptatsiia kul'tury naseleniia Karelii k osobennostiam mestnoi prirodnoi sredy periodov mezolita – Srednevekov'ia (Environmental Adaptations of Karelian Cultures from the Mesolithic to the Middle Age)*. Series: Gumanitarnye issledovaniia (Humanitarian Studies) 4. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 169-191 (in Russian).
3. Briusov, A. Ya. 1940. *Istoriia drevnei Karelii (History of Ancient Karelia)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) IX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
4. Vinogradov, N. N. 1927. *Solovetskie labirinty. Ikh proiskhozhdenie i mesto v riadu odnorodnykh pamiatnikov (Labyrinths of the Solovetsky Islands. Their Origin and Place among Similar Sites)*. Series: Materialy Solovetskogo obshchestva kraevedeniia (Proceedings of the Solovetsky Islands Local Lore Society) 4. Solovki (in Russian).
5. Vinogradov, N. N. 1997. In *Arkheologiia Severa (Archaeology of the North)*. Petrozavodsk (in Russian).
6. Gurina, N. N. 1947. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)*. Petrozavodsk, 86-93 (in Russian).
7. Gurina, N. N. 1948. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* Kh, 125-142 (in Russian).
8. Demidov, I. N. 2002. In *Kul'turnoe i prirodnoe nasledie ostrovov Belogo moria (Cultural and Natural Heritage of the White Sea Islands)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 10-17 (in Russian).
9. Dosifei (Nemchinov), archimandrite. 1836. *Geograficheskoe, istoricheskoe i statisticheskoe opisanie stavropigial'nogo pervoklassnogo Solovetskogo monastyrja (Geographical, Historical and Statistical Description of the Stauropegial First-Grade Solovetsky Monastery)*. Moscow: Moscow University Press (in Russian).
10. Zhukov, A. Yu. 2005. In Iliukha, O. P. (comp.). *Mezhkul'turnye vzaimodeistviia v polietnichnom prostranstve pogrannichnogo regiona (Cultural Interactoins in the Polyethnic Space of Borderland)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 85-91 (in Russian).
11. Kabo, V. R. 2007. *Krug i krest: razmyshleniia etnologa o pervobytnoi dukhovnosti (Circle and Cross: Ethnologist's Reflections on the Primitive Spirituality)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
12. Kosmenko, M. G. 1993. *Arkheologicheskie kul'tury perioda bronzy – zheznogo veka v Karelii (Archaeological Cultures of the Bronze and Iron Ages in Karelia)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Kosmenko, M. G. 1996. In *Arkheologiia Karelii (Archaeology of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).
14. Kosmenko, M. G. 2007. In Lobanova, N. V. (comp.). *Kompleksnye gumanitarnye issledovaniia v basseine Belogo moria (Complex Humanitarian Studies in the White Sea Basin)*. Petrozavodsk: "Ostrova" Publ., 6-42 (in Russian).
15. Kosmenko, M. G. 2007. In Lobanova, N. V. (comp.). *Kompleksnye gumanitarnye issledovaniia v basseine Belogo moria (Complex Humanitarian Studies in the White Sea Basin)*. Petrozavodsk: "Ostrova" Publ., 79-116 (in Russian).
16. Kosmenko, M. G. 2009. In Kosmenko, M. G. (ed.). *Adaptatsiia kul'tury naseleniia Karelii k osobennostiam mestnoi prirodnoi sredy periodov mezolita – Srednevekov'ia (Environmental Adaptations of Karelian Cultures from the Mesolithic to the Middle Age)*. Series: Gumanitarnye issledovaniia (Humanitarian Studies) 4. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 135-168 (in Russian).

17. Kuznetsova, V. P. 2003. In *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Fennoskandii (Natural, Historical and Cultural Heritage in Northern Fennoscandia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 159-164 (in Russian).

18. Kuz'min, D. V. 2007. In Lobanova, N. V. (comp.). *Kompleksnye gumanitarnye issledovaniia v basseine Belogo moria (Complex Humanitarian Studies in the White Sea Basin)*. Petrozavodsk: "Ostrova" Publ., 175-199 (in Russian).

19. Kuratov, A. A. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 34-48 (in Russian).

20. Lobanova, N. V. 2003. In *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Fennoskandii (Natural, Historical and Cultural Heritage in Northern Fennoscandia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 103-110 (in Russian).

21. Lobanova, N. V. 2005. In Iliukha, O. P. (comp.). *Mezhkul'turnye vzaimodeistviia v polietnichnom prostranstve pogrannichnogo regiona (Cultural Interactions in the Polyethnic Space of Borderland)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 43-50 (in Russian).

22. Lobanova, N. V. 2006. In *Pervobytnaia i srednevekovaia istoriia i kul'tura evropeiskogo Severa: problemy izucheniia i nauchnoi rekonstruktsii (Prehistoric and Medieval History and Culture of the European North: Issues of Research and Scientific Reconstruction)*. Solovki: s. ed., 416-425 (in Russian).

23. Lukashov, A. D. 2000. In Elina, G. A., Lukashov, A. D., Iurkovskaia, T. K. *Pozdnelednikov'e i golotsen Vostochnoi Fennoskandii (paleorastitel'nost' i paleogeografiia) (Late Ice Age and Holocene of Eastern Fennoscandia: Palaeovegetation and Palaeogeography)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

24. Lukashov, A. D., Demidov, I. N. 2001. In *Biogeografiia Karelii (Biogeography of Karelia)*. Series: Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN (Proceedings of the Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences), Biology series 2. Petrozavodsk (in Russian).

25. Maniukhin, I. S. 1996. In *Arkheologiia Karelii (Archaeology of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

26. Maniukhin, I. S. 2003. In Klement'ev, E. I., Shlygina, N. V. (eds.). *Pribaltiiskofinskii narody Rossii (Baltic and Finnic Peoples of the Russian Federation)*. Moscow: "Nauka" Publ., 125-135 (in Russian).

27. Maniukhin, I. S., Lobanova, N. V. 2002. In *Kul'turnoe i prirodnoe nasledie ostrovov Belogo moria (Cultural and Natural Heritage of White Sea Islands)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 19-31 (in Russian).

28. Martynov, A. Ya. 2002. *Arkheologicheskie pamiatniki Solovetskogo arhipelaga i drugikh ostrovov iuzhnoi chasti Belogo moria (Archaeological Sites of the Solovetsky Archipelago and Other Islands in the Southern Part of the White Sea)*. Arkhangel'sk; Solovki (in Russian).

29. Mullo, I. M. 1966. In *Novye pamiatniki istorii drevnei Karelii (Recently Discovered Sites of the History of Ancient Karelia)*. Petrozavodsk, 185-193 (in Russian).

30. Mullo, I. M. 1984. In *Arkheologiia i arkheografiia Belomor'ia (Archaeology and Archaeography of the White Sea Area)*. Arkhangel'sk; Solovki, 52-81 (in Russian).

31. Mullo, I. M., Ryleeva, A. D. 1970. In *Arkheologicheskie otkrytiia (Archaeological Discoveries) 1969 goda*. Moscow, 16-17 (in Russian).

32. Ol'sen B. 2002. In *Kul'turnoe i prirodnoe nasledie ostrovov Belogo moria (Cultural and Natural Heritage of White Sea Islands)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 40-51 (in Russian).
33. Plutarch. 1961. *Sravnitel'nye zhizneopisaniia (Parallel Lives)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
34. Reva, K. P. 1910. In *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1907 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1907)*. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages, 107-108 (in Russian).
35. Savvateev, Yu. A. 1977. *Zalavruga (Zalavruga) 2. Stoianki (Stations)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
36. Spitsyn, A. A. 1904. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 6, 101-112 (in Russian).
37. Titov, Yu. V. 1976. *Labirinty i seidy (Labyrinths and Seids)*. Petrozavodsk: "Kareliia" Publ. (in Russian).
38. Filatova, V. F. 2009. In Kosmenko, M. G. (ed.). *Adaptatsiia kul'tury naseleniia Karelii k osobennostiam mestnoi prirodnoi sredy periodov mezolita – Srednevekov'ia (Environmental Adaptations of Karelian Cultures from the Mesolithic to the Middle Age)*. Series: Gumanitarnye issledovaniia (Humanitarian Studies) 4. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 9-43 (in Russian).
39. Shakhnovich, M. M. 2003. In *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Fennoskandii (Natural, Historical and Cultural Heritage in Northern Fennoscandia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, 114-115 (in Russian).
40. Shakhnovich, M. M. 2006. In Martynov, A.Ya. (ed.). *Pervobytnaia i srednevekovaiia istoriia i kul'tura Evropeiskogo Severa: Problemy izucheniia i nauchnoi rekonstruktsii (Prehistoric and Medieval History and Culture of the European North: Research and Reconstruction Issues)*. Solovki: "SOLTI" Publ., 408-415 (in Russian).
41. Aspelin, I. R. 1877. *Latularhat Suomen rautamailla*. Finska Forminustörens Tidskrift II. Helsingfors.
42. Henriksen, J. E., Amundsen, C. P. 2003. Multi-room houses and trans-cultural interaction in medieval coastal Finnmark. In *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Fennoskandii (Natural, Historical and Cultural Heritage in Northern Fennoscandia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences.
43. Kraft, J. 1977. Labyrint och ryttalek. In *Fornvännen* 72. Stockholm.
44. Olsen, B. 1991. Material metaphors and historical practice: A structural analysis of stone labyrinths in coastal Finnmark. In *Fennoscandia Archaeologica* VIII. Helsinki, 51-58.
45. Saarikivi, J. 2006. On the uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation. In Saarikivi, J. *Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugric Substrate in Northern Russian Dialects*. (Article 2). Tartu: Tartu University Press, 150-165.

About the Author:

Kosmenko Marc G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 11, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; kosmenko@sampo.ru